

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. — Отв. ред. В. И. Борковский. — М., Изд-во АН СССР, 1955. 215 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

В рассматриваемой книге авторы ставят своей целью дать полный филологический анализ впервые вошедших в научный обиход 25 берестяных грамот, открытых и опубликованных А. В. Ардиховским (№№ 1—10, 17, 21, 23, 24, 25, 27, 40, 41, 43, 46, 49, 53, 54, 69, 78)¹.

Во «Введении» Р. И. Аванесов и В. И. Борковский сделали важные замечания о говорах древнего Новгорода и подчеркнули научную ценность открытых текстов. Палеографический и лингвистический анализ позволяет уточнить их датировку, предложенную А. В. Ардиховским и М. Н. Тихомировым (уточнения датировки, по мнению авторов книги, требовали самые древние из найденных грамот: №№ 7, 8, 9, 69, 78).

Л. П. Жуковская произвела детальный палеографический анализ всех 25 грамот, сделала новую их транслитерацию и транскрипцию, перевод на современный русский язык и критически рассмотрела все существующие разночтения. Ее выводы почти всегда убедительны, но она как будто отстывает от своих хронологических заключений, когда они не совпадают с лингвистическими. Палеографический анализ подтверждает стратиграфическую дату почти для всех, в том числе и для самых древних грамот: грамота № 78 датируется началом XII в., № 9 — серединой XII в., № 7 и № 8 — концом XII в., грамота № 69, найденная в 12-ом строительном ярусе, — серединой XIII в.; по почерку своих букв она может быть отнесена даже к началу XII в. (почерк букв, царапанных на бересте, вообще более архаичен по сравнению с представленным в пергаменных и бумажных документах).

Р. И. Аванесов признает относящейся к XII в. лишь грамоту № 9, другие же грамоты — №№ 78, 7, 8, 69 — в связи с непоследовательностью употребления знаков *ъ* и *ь* — он относит к более позднему времени. Однако с этим трудно согласиться.

В грамоте № 9 буквы *ъ*, *ь* употреблены этимологически правильно; в одной форме (*къ каслави*) выступает *ъ* вместо *ь*. В грамоте № 78 две формы имеют *ь* вместо *ъ*: *къзми*, *сголокъ*; форма *къщина* показывает *ъ* вместо *ь*; в примерах *гнънѣу*, *хѣмѣтѣ*⁽²⁾ буквы *ъ*, *ь* употреблены одна вместо другой; в одном слове *псани* пропущено *ь* в слабом положении. Вряд ли можно на основании этого заключать о падении *ъ*, *ь* в слабом положении и их вокализации в сильном и изменять стратиграфическую дату XII в., поддержанную палеографическим анализом, на XIII век. Еще более скудные доказательства дает грамота № 7: (*сѣочнѣ* вместо *сѣчнѣ*, *сѣрокѣ* вместо *сѣркѣ*, *къкорѣ* вместо *къркѣ*). Также из грамоты № 8: *къзи* вместо *къзи*, вероятно (*сѣ*(*р*))*ън* вместо *скрѣн*, *мѣлѣнѣ* вместо *мѣлѣнѣ*; в то же время здесь представлены правильные написания: (*г*)*ѣсѣмѣнѣ*(8), *гѣчкѣ*, *чѣлѣ*, (*ѣ*)*стѣ*, *гнѣнѣкѣ*; неясно написание: *ѣжѣлѣчнѣ* *кѣркѣ* (может быть, ошибочно вместо *ѣжѣлѣчнѣ* *кѣркѣ*). Все эти примеры свидетельствуют лишь о том, что пишущий не владеет нормами графики. Буквы *ъ*—*о*, *ъ*—*ѣ*, *ъ*—*ъ* иногда путаются, но они употребляются правильно в позиции этимологических слабых *ъ*, *ь* в середине слова. Единственный пример *псани* (№ 78) можно считать опиской.

Грамота № 69, найденная в 12-м ярусе середины XIII в., вопреки архаичному почерку некоторых букв, относящемуся к XI—XII вв., показывает более убедительные написания. Об утрате слабых редуцированных говорит пропуск *ъ* в предлоге *с* *гнѣрѣмѣ*, в названии *до ѣгѣнѣ*, *ѣгѣнѣнѣ* вместо *ѣгѣлѣ*, особенно в слове *здѣрѣѣ* вместо *здѣрѣѣѣ* с ассимиляцией согласного. В слове *зѣчѣрѣѣлѣнѣ* буква *ь* группы *-ълѣ* лишняя. Здесь нет примеров мены букв *ъ*—*ѣ*, кроме случаев правильной вокализации *ь* в сильном положении: *ѣжѣчѣнѣ*, *с* *гнѣрѣнѣ*; форма *до ѣгѣнѣ* объясняется по аналогии с им. вин. надежами названия *Угѣлѣ*. Из этого материала действительно можно заключить, что грамота № 69 написана уже после падения звуков *ъ*, *ь* в слабом и вокализации их в сильном положении, а именно: в середине XIII в., что согласуется со стратиграфической датой. В других грамотах XIII в. звуки *ъ*, *ь* в слабом положении также уже утрачены: *нѣнѣнѣ* (№ 72), *къзѣнѣ* (№ 61), *спѣнѣ* *спѣсѣѣ* (№ 53), *хѣтѣ* (№ 46), *тѣнѣ* *гнѣнѣ* (№ 73), *ко мнѣ* (№№ 55, 61), *жѣнѣ* (№ 68), *мѣдѣнѣнѣ* (№ 65), *къзѣнѣ* (№ 55), *късѣнѣ* (№ 59).

Меню букв *ъ* и *ь*, их обозначение буквами *о* и *ѣ* даже в самых древних грамотах XII в. в середине и в конце слов следует объяснять неграмотностью писцов. Слабые звуки *ъ*, *ь* в XII в. были, очевидно, близки; их, по-видимому, читали как слабые, очень короткие *о*, *ѣ* в школьном обучении грамоте². Это графическое явление позже унаследовали некоторые писцы XIII и следующих веков, которые этимологически неправильно употребляли буквы *ъ*, *ъ*—*о*, *ѣ* в середине и в конце слов и часто

¹ Об этой книге уже напечатал рецензию Л. А. Булаховский (см. ИАН ОЛЯ, 1956, вып. 1), но не все его замечания мне показались убедительными. Заметки о прочтении берестяных грамот см. в моей статье «Uwagi paleograficzne i językowe na marginesie wydania грамот nowogrodzkich pisanych na brzoźowej korze» [«Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 4(13), Warszawa, 1955].

² См. А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 268.

писали о, е с целью обозначить конец слова. Например: покано (№№ 6, 23, 27, 67, 98), полотатна дьсато гравно сьверга (№ 61) и пр. — кляе род. падеж мн. числа (№ 52), кле (№№ 55, 92), волоса (№ 50), олександр (№ 50), хатке (№ 19), дворанин (№ 19), саме (№ 19), пристав (№ 19), мар(т)еман (№ 58), сидор (№ 12): то же в формах perfecta: покосил (№ 53), сложил (№ 25), кинил (№ 30), пал (№ 20), купил (№ 32), оставил (№ 11). Неправильное употребление букв х, ь — о, е встречается и в галицких грамотах XIV—XV вв.¹ Вряд ли можно согласиться с предположением В. И. Борковского, что в формах perfecta на -ле отразилось произношение среднего л². Точно так же неубедительно объяснение, что формы на -е вместо -ь типа сидор купил перенесены из окончания звательного падежа единственного числа, как это вслед за Л. П. Якубинским³ утверждает Л. А. Булаховский. П. С. Кузнецов правильно пишет на стр. 143, что черта эта до сих пор удовлетворительно не разъяснена. По моему мнению, здесь явление исключительно графическое, без фонетического или морфологического значения.

Выводы Р. И. Аванесова о существовании самостоятельной фонемы ѣ в говоре новгородских писцов правильны. Но-шлдимому, ж в XII—XVI вв. в говоре Новгорода означало еще дифтонг [ѣ], чем объясняются спорадические написания и или е вместо ж в ряде грамот. В некоторых новгородских говорах узкая артикуляция ж рано дала і. Ср., например, показания грамоты № 59 (XIII—XIV вв.), в которой представлено исключительно і: видѣлся, к токи, вини, ко соки; то же в № 20 (XIV в.): на рики, приски(и)вали.

Возникновение поканы в новгородских говорах относится, вероятно, к XII в. Грамота № 9 правильно отличает отъкъ || ничѣтоже; в других грамотах XII в. согласный ч употребляется еще довольно часто: гѣчѣкъ, чѣа, ожалочѣни (№ 8), сочиа (№ 7). Начертание ч вместо ц встречается лишь в грамотах XII в.: лисич (№ 7), кѣирич (№ 105), в то время как ц вместо ч употреблено только один раз: оу кѣиница шоурниа (№ 78). Грамоты XIII—XVI вв. имеют нормально ц вместо ч (почти 40 раз); спорадические традиционные написания встретились 7 раз: чадъ (№ 69, XIII в.) рядом с оугланци; что (№ 61, XIII в.) рядом с цо; что в завешании (№ 42, XIV в.); что (№ 30, XIV в., 2 раза); чѣкчѣа (№ 3, XIV в.); чѣдѣа (№ 97, XV в.). Следов чоканья в XIII в. уже нет.

Любопытно, что в старых грамотах XII—XIII вв. звук ф в собственных именах обозначается буквой о, например олинпа (№ 6), или передается как в, п, например Ѡматина (№ 65), стипаноу (№ 59); попадаются рядом с о написания ф только в грамотах XIV—XVI вв., например воуѣ (№ 1), фѣѣ (№№ 2, 14).

П. С. Кузнецов на стр. 113 ошибочно привел написание до углица вместо до углѣца (№ 69) рядом с оугланци. Здесь представлено местное название Углец—Углеца вместо этимологически правильной формы угольца и производное углицане вместо угличане.

Формы род. падежа ед. числа муж. рода на -и (стр. 107), кроме д-ѣу, солодѣ (№ 1), повторяются в других грамотах в основах на -о и на -и: тор-[ѣ]гѣ (№ 68), мадѣ (№ 61), сѣдѣ (№ 14), товарѣ (№ 44), гвоздѣ (№ 40).

Начертание оголовъ (№ 78), конечно, можно читать как оголовъ (форма основы на -і), но в записях: кѣ касилѣн (№ 9), григорѣѣ (№ 69) представлена основа на -іо (касикъ, григоръ), а не на -і.

Л. А. Булаховский несправедливо упрекает П. С. Кузнецова в упущении формъ ѣ (№№ 25, 49) в разделе о возвратном местоимении сѣ на стр. 121. В берестяных грамотах местоимение сѣ всегда указательное среднего рода, а не возвратное: сѣ сочѣтѣся добро (№ 45), что сѣ чита (№ 46), на мене сѣ шлн на томѣ что еси конь познаѣа у нѣщѣина (№ 25), какъ сѣ їдо мною попицадѣѣтѣ (№ 49), возможно тоже сѣ лѣнѣи дѣти (№ 47). Записѣ а не угодице с кѣмѣа прислѣѣтѣ (№ 21), конечно, тоже включает указательное местоимение угодице вместо угодиѣтѣ сѣ. Р. И. Аванесов верно замечает (стр. 93), что берестяные грамоты не знают случаев изменения а в е после палатальных, следовательно, сѣ нельзя здесь выводить из сѣа. Возвратное местоимение сѣ во всех примерах стоит после глагола и тесно связано с ним: кланѣосѣа (№ 82), нѣ месѣшѣисѣа (№ 66), ты венѣисѣа (№ 30), сѣ сочѣтѣся добро (№ 45); особенно убедительны записи: нѣ оуѣѣдѣлѣа (№ 4), кланѣисѣа (№ 41) с пропуском -ѣ в окончании глагола перед сѣа.

П. С. Кузнецов сомневается в том, является ли форма кѣиница в записи оу кѣиница шоурниа (№ 78) производной от ласкательной формы кѣинко (от конслаѣа), потому «что суффикс -и- не использовался для образования притяжательных от основ на -о (ни одного подобного примера нет ни в Лаврентьевском, ни в Радзивилловском списках летописи)» (стр. 124). Но В. Ташицкий цитирует ласкательные формы древних польских мужских и женских собственных имен на -ka: Bielka, Falka, Goska, Miecka, Swiętka,

¹ См. W. Kuraszkiewicz, Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Studjum językowe, Kraków, 1934, стр. 20—22.

² См. В. И. Борковский, Новые находки берестяных грамот, ВЯ, 1953, № 4, стр. 130—131.

³ См. Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 186.

Unka, Więska, даже именно форму *Wojka*¹. Можно предположить, что запись *оу* влицина попурина вместо *оу* кончина — это притяжательное производное от имени *войка* с основой на -а.

Окончание -*ši* (стр. 127) формы 2-го лица единственного числа находится в грамоте № 8, кроме *едши*, еще в ошибочном написании *ожащчши* (может быть, вместо *ожа* *лчши*, т. е. *ожа* *лучши*?). Из других грамот у меня только еще один пример: *виши* (№ 59, XIII—XIV вв.) вместо *кѣши* под влиянием -*ши* или -*шь* основ на -е, -і. Окончание -*шь* засвидетельствовано тоже только три раза: *сѣдшиъ*, *варшиъ* (№ 3, XIV в.), *сашъ* (№ 30, XIV в.). Примеров мало, но можно предполагать, что более старое -*ши* > -*шь* в XIII—XIV вв.

Для формы 3-го лица единственного числа (стр. 128), кроме *прдѣтъ* (№ 40), *не* *кѣдасть* (№ 9), *не* *дасть* (№ 5), в других грамотах еще имеются примеры: *коесѣдѣишь* (№ 68), *кѣдаѣте* (№ 61), *сѣитъ* (№ 19). Окончание последней формы -*тъ* записано нечетко; возможно, что здесь надо читать *сѣитъ* вместо *сѣтъ*. В других грамотах много форм без окончания -*тъ* в основах на -е: *повѣде* (№ 53), *прдѣ* (№ 43), *идѣ* (№ 18), *сѣ*, *кѣзѣ* (№ 10), *кѣдѣ* (№№ 18, 19), *хѣи* (№ 19), *кѣи* (№ 97) и особенно любопытно *соцѣтѣса* (№ 45) в связи с приведенным выше примером *угодѣи* вместо *угодѣи* *се* (№ 21) основ на -і.

П. С. Кузнецов допускает возможность объяснения формы *кѣдасть* (№ 9) и *дасть* (№ 5) как 3-е лицо ед. числа наст. времени (стр. 131—132), что более вероятно, чем 3-е лицо ед. числа аориста. Бесспорные примеры аориста представлены только в школьной шутке (№ 46): *писа*, *каза*, *цита* и, кажется, еще (*с*)*очита* (№ 7). Запись *изкивъ роукы* (№ 9) является сочетанием причастия с формой родительного падежа в значении «нарушив законный договор»². Это достаточно ясно показывает сравнение с древнепольским значением слов *wybić*, *ręka*. Новая догадка Л. А. Булаховского, видящего здесь ошибочную запись вместо *из истыки*, по моему мнению, невозможна.

Подробный синтаксический анализ В. И. Борковского не вызывает никаких сомнений. Любопытную оппозицию родительного падежа собственных имен рядом с винительным падежом личных и одушевленных существительных, кроме примеров В. И. Борковского на стр. 154, находим еще в других грамотах: *пришли ми цоловѣкъ на жерѣцѣ* (№ 43), *ино надѣи дѣрлании* (№ 19), *на конь пале* (№ 20), *по в собственных именах: дакъда оидѣ* (№ 33), *на стефана* (№ 92). Это явление отмечено Л. П. Якубинским (стр. 184) в повгородской летописи: *на аять свой ярослава*.

Я заметил только следующие опечатки: 1) стр. 53, 88, 195 *дожди* вместо *дожди* (№ 9); 2) стр. 81 *къ васильки* вместо *къ васильки* (№ 9); 3) стр. 113 *до углица* вместо *до углица* (№ 69). Вообще же книга издава прекрасно.

В. П. Курашкеев

О КРЫЛАТЫХ СЛОВАХ

(По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукных «Крылатые слова»³)

Так называемые крылатые слова относят обычно к той еще недостаточно ясно очерченной сфере языка, которую именуют фразеологией. Впервые вопросы фразеологии как языковедческой дисциплины, имеющей свой специфический объект изучения, на русской почве широко были поставлены и освещены В. В. Виноградовым. К сожалению, большинство последующих работ в области фразеологии не развивало данных им положений и пока что не внесло ничего теоретически нового. Даже наоборот. Лишь формально следуя положениям В. В. Виноградова, многие работы (под влиянием традиционных учений об идиомах — необходимых буквально на другой язык оборотов речи — и метафорических словах) необычайно расширяют объем фразеологии и вносят еще большую неопределенность в ее изучение. В результате границы фразеологии, ее объем, ее типические разновидности и структурные особенности — все эти вопросы нельзя считать окончательно разъясненными. Ясно, конечно, что теоретическая неопределенность не может содействовать успеху словарных начинаний в области русской фразеологии. Пример тому переводные русские фразеологические словари, издаваемые с чисто практической целью, например, в Чехословакии. В то же время мы бедны и собраниями фразеологических материалов, которые могли бы служить базой теоретических работ.

¹ См. W. Taszycki, Najdawniejsze polskie imiona osobowe, Kraków, 1926, стр. 51.

² См. мою статью «Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Wasyla», («Język polski», roczn. XXXVI, № 3, 1956).

³ Н. С. Ашукных, М. Г. Ашукных, Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения, М., 1955.